

«Я буду петь Гейнсбура до самой смерти»

Биркин: Еще позже, незадолго до смерти, Гейнсбур написал мне песню «Amours Des Feintes»; тут игра слов — можно прочесть как «любовь к притворству» или как «мертвая любовь». Как будто он уже тогда обо всем догадывался, не знаю. Серж лежал в больнице, и прямо там нарисовал мне обложку к последнему альбому, мое лицо, просто росчерк, и, Господи, это было так... (прерывается). Он мог ни с того ни с сего подарить мне брильянт; мог купить «Ролс-ройс», а потом использовать его как пепельницу, потому что у него не было водительских прав; мог завалить комнату цветами, если был в чем-то виноват, а мог сидеть на подоконнике и рыдать... Ну и вот как? Как я могла петь кого-то еще?

Когда Серж умер, я думала, что на этом все закончится. Но потом разные люди сочинили для меня

альбом, конечно, в основном из любви к Гейнсбур. Видите, вся моя жизнь связана с Сержем, никуда от этого не деться. Нет, у меня есть еще кое-какие планы, я думаю записать англоязычный альбом с Бет Гиббонс и, может, Томом Уэйтсом. Но, конечно, я буду петь песни Гейнсбура до самой смерти, и это как-то правильно. В Австралии, Израиле, на Украине... Серж был бы так горд! Наконец-то о его величии узнал весь мир. С Францией все понятно: там он уже давно француз номер один, нет никаких сомнений. Ну, может быть, после Колюша, был такой комик. Все поняли, что это был поэт уровня Апполинера. Англии вот понадобилось тридцать лет, чтобы это осознать, но все-таки его «Melody Nelson» недавно назвали в числе 20 главных песен столетия. И если я хоть немного, хоть чуть-чуть в этом помогла, то мне большего и не надо.

ВВЕДЕНИЕ В ГИПНОЗ: ДЖЕЙН БИРКИН В КИЕВЕ

Поначалу казалось, что ее выступление обустроит в худших традициях постсоветских частных вечеринок. Рекламы никакой (многие киевляне о концерте узнали от всполошившихся приятелей из Москвы), везут в совсем новый ресторан, ничем пока не прославившийся. По счастью, «Персона» оказалась вполне симпатичным двухэтажным местом с порядочной сценой и нестрашной публикой, а сама Джейн...

Почему-то по возвращении едва ли не каждый считал своим долгом спросить: «Сколько ей лет-то уже?». Энциклопедии говорят — 59. Невероятно. Невозможно поверить. Фигура, жесты, пластика — ничего не изменилось со времен «Фотоувеличения». И когда она улыбается, а делает она это часто, очень по-детски и совершенно обезоруживающе, каждый в зале становится таким же ошалевшим от счастья ребенком. В зале было много людей, разных. Кто-то знал слова песен, большинство просто слышали, что есть такая, мужчины пришли поужинать с дамами, фотографии — сделать пару кадров. Минут через двадцать людей этих было не узнать. Они сидели на стульях не шелохнувшись, сжав пальцы, улыбаясь так безотчетно, словно перед ними была не Биркин, а какое-то невыносимо прекрасное детское воспоминание. Нарядно одетая пара покинула свой столик и села прямо под сценой, на полу. Девочка в мини-юбке, наоборот, отползла подальше, потому что ей было неудобно на глазах у всех размазывать тушь по лицу. Кто-то дрожащим голосом пытался подпевать. Люди, как замороженные, подходили к сцене все ближе; весь второй этаж снялся с мест и облепил загородочку, отделяющую их от певицы, и она махала им рукой и посылала воздушные поцелуи. Бармены роняли посуду; от оваций тряслись стены.

То, что она пела, можно услышать на пластинке «Arabesque»: это песни Гейнсбура, сыгранные в сопровождении арабских музыкантов. Можно спорить, идут ли этим песням арабские аранжировки (сам он считал, что им идет все что угодно), насколько вообще пластинка удалась (есть разные мнения), но тут, в непосредственной близости от этой чеширской улыбки, казалось, что ничего лучше просто быть не может. Что «Elisa» должна обязательно петься в сопровождении перкуссии, а «Couleur Cafe» задумывалась именно как танец живота. Потому что только здесь их сопровождали уморительно смешные комментарии, поцелуи и смешки, потому что в финале Джейн распустила волосы и принялась танцевать босиком, и все это вместе было как-то удивительно трогательно и непосредственно. Видно было, что все происходящее Джейн ужасно, просто ужасно нравится.

Непонятно, с чего это она вдруг так расчувствовалась. То ли боялась незнакомой аудитории, а потом вдруг оказалось, что бояться нечего. То ли потому, что родители Гейнсбура родом с Украины, и для Биркин эта поездка очень волнительная: она даже привезла сюда его старшую сестру Жаклин, милейшую 80-летнюю старушку. Ясно было одно: такое и во Франции не часто случается (по крайней мере, люди, присутствовавшие на ее парижских концертах, утверждают, что ничего такого там не бывает даже близко). Возможно, я преувеличиваю, но, похоже, такие концерты людям вообще выпадают несколько раз в жизни, даже если ты работаешь музыкальным обозревателем и ходишь на них каждую неделю. Потому что Джейн... Э, да что тут говорить.